© Лобин А. М., 2016

УДК 821.161.1-311.6(Васильев Б. Л.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)64-8,444 ГСНТИ 17.07.29 Код ВАК 10.01.01

А. М. Лобин
Ульяновск, Россия

«РОМАНЫ О ДРЕВНЕЙ РУСИ» Б. Л. ВАСИЛЬЕВА КАК НОВЫЙ ВИТОК ЭВОЛЮЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.

Аннотация. В данной статье исследованы концепция истории и методы ее репрезентации в исторических романах Б. Л. Васильева 1996–2010 гг. В цикле «Романы о Древней Руси» автор представил собственную версию происхождения русского государства. В ходе работы были рассмотрены основные типологические признаки русского исторического романа XIX–XX веков: установка на достоверность изображения прошлого, а также поиск и демонстрацию факторов, которые детерминируют исторический процесс (национальные, нравственные, социальные, экономические, классовые и др.). Анализ романов «Вещий Олег», «Ольга, королева Русов» и «Князь Владимир» приводит к выводу, что их автор сознательно отказался от традиционных стратегий художественно-исторической прозы. Он создал схематизированную картину Средневековья, содержащую множество анахронизмов, в которой беллетристическая фабула реализуется в рамках условного хронотопа. В то же время Б. Васильев последовательно отражает общепринятую версию истории, учитывает социальные, экономические и психологические факторы исторического процесса. Такое сочетание научного и беллетристического методов репрезентации истории обусловлено принципиально новой художественной стратегией автора, который не описывает и не объясняет, а скорее моделирует прошлое. Целью этого художественного эксперимента является установление роли личности в истории и поиск механизмов исторического прогресса. Полученные результаты могут быть использованы в области изучения современного исторического романа, характеристике общественного сознания рубежа XXI века, а также в преподавании спецкурсов по литературе для филологических специальностей в высшей школе.
Ключевые слова: исторические романы, концепции истории, репрезентация истории, русская литература.

A. M. Lobin
Ulyanovsk, Russia

B. L. VASSILJEV'S «ANCIENT RUSSIA NOVELS» AS A NEW CYCLE IN THE EVOLUTION OF HISTORICAL PROSE AT THE TURN OF THE MILLENNIUM

Abstract. The article addresses B. L. Vassiljev's concept of history and ways of introducing it into his historical novels of 1996–2010. In his «Ancient Russia Novels» cycle the author developed a unique version of the origin of the Russian state. The present paper discusses basic typological features of the XIX–XX century Russian historical novel, including the focus on accuracy of historical detail and search for factors determining the historical process (such as national, social, economic, moral ones). The analysis of the novels «Prince Oleg Prophetic», «Olga, the queen of the Rus» and «Prince Vladimir» demonstrates their author's conscious refusal to implement the traditional strategies of historical fiction. B. L. Vassiljev created a schematized picture of the Dark Ages, abounding in anachronisms, with an intricate plot unraveling in a conditional chronotope. At the same time, B. Vassiljev is consistent in reflecting the conventional version of history, encompassing social, economic and psychological factors of the historical process. This combination creates an entirely new literary strategy focusing on modeling the past, rather describing or explaining it. The artistic experiment aims at demystifying the role of an individual in history and discovering mechanisms of the historic process. The results of the research are relevant for studies of the modern historical novel, describing the mentality of the turn of the millennium, as well as teaching literature to university students of philology.
Keywords: historical novels, concepts of history, representation of history, Russian literature.

Исторический роман относится к числу жанров, активно реагирующих на изменения в общественном сознании. Рубеж XX–XXI веков стал для российской культуры очередным периодом модернизации, и уже в ретроспективной прозе конца 1990-х годов были отмечены качественные изменения формы и содержания [Новиков 1998; Иванова 1999; Ланин 2000; Мясников 2002]. Но и в ситуации полной дезориентации общественного исторического сознания, когда центральное место в современном литературно-историческом дискурсе занимают постмодернистский исторический роман и беллетристика [Лобин 2010], исторический роман сохраняет свою актуальность.

К числу таких произведений относится и цикл Б. Л. Васильева «Романы о Древней Руси», созданный в 1997–2010 годах. В него входят семь произведений («Вещий Олег», «Ольга, королева русов», «Князь Святослав», «Владимир Красно Солнышко», «Владимир Мономах», «Государева тайна» и «Александр Невский»), которые заметно отличаются как от традиционного исторического романа, так и от современной исторической беллетристики. Сравнительный анализ позволяет выявить в этих произведениях новые черты, не характерные для русских исторических романов XIX–XX веков.

Говорить о жанровом каноне традиционного исторического романа достаточно сложно. За два века существования он прошел долгую эволюцию в рамках всех направлений литературы. Л. П. Александрова выделяла такие его виды, как собственно исторический, историко-биографический и художественно-исторический романы, в рамках которых выделила еще несколько подвидов (психологический, детективный, политический, роман-хроника, роман-легенда) [Александрова 1971: 21–26]. В. Д. Оскоцкий, в свою очередь, называл пять жанровых разновидностей: социально-аналитический роман-хронику, психоаналитический роман-жизнеописание, роман-эссе,

философский роман-притчу и романтический роман-легенду [Оскоцкий 1974: 56].

Многообразие художественных форм исторического романа определялось целями авторов, а также спецификой исследуемого исторического материала. Но при всем этом исторический роман сохранял свои главные признаки: наличие определенной концепции развития общества (историзм), а также изображение событий прошлого и исторических лиц в рамках конкретной исторической проблематики (историчность) [Кормилов 2000: 209]. Еще одним важнейшим критерием качества исторического романа, отличающим его от других видов ретроспективной прозы, является установка на достоверность и точность в изображении прошлого.

Уже на первом этапе возникновения исторического романа писатели-романтики считали необходимым воссоздание исторического своеобразия прошедшей эпохи. Недостаток научных исторических данных компенсировался стремлением к верному изображению языка эпохи, нравов, домашнего быта, местности, особенностей природы, а также активным использованием фольклорного материала [Федорова 2002: 17].

Ведущим методом репрезентации прошлого в исторической романистике XIX века была тенденциозность: «историческая литература XIX в. начиналась с выражения неких вневременных (национальных, политических или нравственных) доктрин. История сводилась к утверждению той или иной тенденции. Изображение исторических событий оставалось по существу предлогом для выражения внешней по отношению к ним идеи — национальной, социальной или "нравственной"» [Сорочан 2008: 7]. Это стремление к тенденциозности не было неизменным в разные периоды российской истории и ограничивалось стремлением к объективности и точности изображения.

Принципиально новым этапом развития исторической прозы в русской литературе стала вторая половина XX века, когда произошел переход от репрезентации готовых идей к поиску более общих философских оснований для их интерпретации в исторической романистике. Изменение художественной стратегии — переход от иллюстрации готовых идей к поиску истины — привело к трансформации не только содержания, но и художественной формы: «роман становится более психологическим, философским... Возрос идейно-эстетический уровень исторического повествования. В нем чаще используется эффект аллюзий, парафраз, фольклорные мотивы, уменьшается удельный вес публицистики, совершенствуется микромодель условного художественного мира, все более заметен сгущенный хронотоп» [Чумак 1989: 45].

Тем не менее, И. С. Урюпин, характеризуя исторический роман XX века, пришел к выводу, что «это роман испытания — "апробирования" в условиях реальной действительности и на материале минувших эпох — той или иной глобальной, судьбоносной идеи, концепции развития государства или всего человечества» [Урюпин 2015: 56].

Культурный импульс Перестройки в конце 1980-х гг. вновь актуализировал идеологический потенциал исторической литературы. Главный интерес в тот момент представляли исторические, автобиографические и мемуарные произведения о Революции, сталинских репрессиях и Великой Отечественной войне — то есть об ошибках и трагедиях нашей истории. Установка на критическое переосмысление прошлого и дискредитация официальной научной доктрины создали условия для широкого распространения псевдонаучных произведений в жанре фолк-хистори, а также исторической фантастики и беллетристики [Лобин 2010].

Эта тенденция проявилась и в творчестве Б. Васильева, который в 1980–1998-х гг. создал серию «История рода Олексиных» («Картежник и бретер, игрок и дуэлянт», «Утоли моя печали», «Дом, который построил Дед», «И был вечер, и было утро», «Вам привет от бабы Леры»), в которой описал жизнь России от пушкинских времен до середины XX века.

Но созданные позже «Романы о Древней Руси» заметно отличаются и от более ранних произведений Б. Васильева и от доминирующей в тот момент социокультурной тенденции. Нетипичным, в первую очередь, является выбор темы. Несмотря на стабильную актуальность «норманнской теории» создания российского государства, события IX–X веков слабо отражены как в научной, так и в художественной литературе, а в контексте исторических проблем, волнующих современного читателя, их выбор в качестве объекта репрезентации выглядит неожиданно.

Непопулярность этой темы объясняется, прежде всего, ее отдаленностью и слабой связью с современностью. Кроме того, проблемой для автора является недостаток достоверных источников. В современной науке все сведения о первых русских князьях (годы жизни, родственные связи, роль в истории и даже имена) являются спорными [Мельникова 2012: 375–380] и носят консенсусный характер. Б. Васильев, опираясь на немногие известные факты, создал свою художественную версию этих событий: он сохранил основную событийную канву и перечень действующих исторических лиц (Рюрик, Трувор, Синеус, Олег, Аскольд, Дир, Игорь, Ольга, Свенельд, Святослав и др.), а также дополнил систему персонажей такими легендарными личностями, как посадник Гостомысл, Вадим Храбрый, Соловей-разбойник.

При этом версии личности и жизненные обстоятельства каждого из героев отличаются крайней произвольностью интерпретации. Так, князь Рюрик представлен как коварный варяг, который захватывает власть ценой многочисленных преступлений (не брезгуя даже отравлениями). В итоге большую часть первых двух романов занимает история мести Рюрику за совершенные злодеяния. По версии автора он не умер, а был убит одним из мстителей весьма изощренным образом — разорван надвое между двумя деревьями.

Не менее спорной является и личность князя Святослава, который в его романах оказывается сыном не князя Игоря (наркомана и гомосексуалиста), а воеводы Свенельда (друга детства и фактического соправителя княгини Ольги). В биографии Святослава самым спорным моментом являются причины

его гибели. До сих пор не утихает дискуссия, была ли гибель Святослава трагической случайностью или кто-то подтолкнул печенегов к нападению? Автор предлагает на роль организатора этого убийства родного отца Святослава, воеводу Свенельда.

Предложенная версия событий, с одной стороны, не является принципиально невозможной и вполне укладывается в рамки тех немногих фактов, которые описаны в летописях, а с другой — представляется совершенно произвольной и абсолютно недоказуемой.

Оригинальность концепции Б. Васильева выразилась не только в скандально-эпатирующей трактовке событий и оценке исторических лиц. Описание этого мира также весьма субъективно и содержит множество анахронизмов. Так, славянские племена представляют собой не племенные союзы и даже не княжества, а феодальные государства, находящиеся на достаточно высоком уровне развития. В частности, еще не существовавший в тот период Новгород представлен как богатая торговая республика, у славян есть не только князья, но и административный аппарат, и даже собственная письменность, (!) которую изучают даже девушки.

В итоге принципы отражения художественного мира в новых исторических романах Б. Васильева заметно отличаются от сложившейся литературной традиции. Так, автор уделяет минимальное внимание описаниям быта, нравов, образа жизни, местности, культурологическим и религиозным аспектам. Методы его описания прошлого наиболее удачно охарактеризовала В. Бокова: «это не очень обычная историческая проза. Васильев нисколько не увлечен живописной стороной сказочной старины. У него нет никаких этнографических описаний и музейных перечней... Не стремится он и к языковой стилизации... Его книги написаны очень просто, нормальным современным языком, скупо обозначают место действия, которое читающий вправе представлять, как ему угодно, и вообще почти лишены реалий, за исключением необходимейших — меч, плащ, кубок» [Бокова 2009].

В конечном итоге Б. Васильев создает вполне оригинальный социум, противоречивый, но целостный художественный мир, напоминающий в некоторых аспектах мир рыцарского романа или героического средневекового эпоса. Эта особенность его произведений ярко проявилась в хронотопе «Романов о Древней Руси». Автор сообщает о перемещениях, но не указывает времени и расстояний, опускает некоторые эпизоды, не сообщает о смене сезонов — в итоге продолжительность описываемых событий может быть выявлена только косвенно, а их общий масштаб без привлечения внешних источников неопределим в принципе.

Такое пренебрежение пространственно-временными характеристиками и систематическое отсутствие детализации в описаниях создают некий абстрактный хронотоп, лишенный конкретного содержания и масштаба, где «события совершаются как бы без физического усилия» [Лихачев 1970: 201] и в котором «нет представления о непрерывно текущем потоке времени, оно дискретно, прерывисто» [Гуревич 1990: 123].

В то же время за беллетризованным сюжетом и условностями васильевского Средневековья нельзя не заметить того факта, что версия истории, предлагаемая им в этих произведениях, в основных своих чертах совпадает с точкой зрения официальной науки. В основе описанных межплеменных конфликтов лежат прежде всего экономические противоречия: стремление к удержанию сельскохозяйственных угодий и контролю над торговыми путями. Все ключевые события выстроены в причинно-следственную цепь, и общий ход исторического процесса направляется логикой социально-экономического развития. Высшие провиденциальные силы (Провидение, Судьба и т.п.) в художественном мире роли не играют. Авторская оценка событий вполне соответствует общепринятому со времен Н. М. Карамзина мнению о прогрессивности киевских князей как основателей централизованного русского государства.

По мысли Б. Васильева, создание Киевской Руси потребовало согласованных усилий многих племен и стало возможным только благодаря долгой и целенаправленной подготовке. Вследствие этого на первый план в исторических романах Б. Васильева выходит образ князя-созидателя, обладающего подлинно государственным мышлением, а главным стимулом политогенеза становится фактор организационный, представленный как воля подлинного правителя, направляющего к определенной цели стремления и поступки остальных действующих лиц.

Анализ содержания позволяет утверждать, что любое событие в романе осуществляется не в результате усилий одного человека, каким бы великим он ни был, а только как сумма решений и поступков многих людей. Таким образом, основным фактором, решающим судьбу государств и народов, становится человеческая воля. В конечном итоге в исторической концепции Б. Л. Васильева скрытая целесообразность истории (создание Русского государства) осуществляется через сложение многих субъективных волевых поступков людей, стремящихся к достижению собственных результатов. Однако удовлетворительный результат они могут достигнуть только в том случае, если их воля не противоречит явно стремлениям других людей и сливается с их волевыми устремлениями, но успех все же не является гарантированным. Характер взаимодействия отдельного человека с коллективной волей социума определяет этичность его поступков.

Б. Васильев также вносит в механизм истории фактор случайности: *«в истории правит Его Величество Случай»* [Васильев 2011: 75], *«история пошла бы по-иному. Ею правит случай, которого чаще всего либо не замечают, либо забывают о нем»* [Васильев 2011: 95]. Другой важной особенностью его концепции истории является установка на возможность альтернативы, поэтому он часто напоминает, что история могла бы пойти другим путем: *«неизвестно, что произошло бы дальше и как бы повернулась история всего Киевского княжения, если бы...»* [Васильев 2011: 26], *«как бы повернулась не только дальнейшая судьба самого князя Святослава, но и вся история Руси, если бы...»* [Васильев

2011: 65], *«откажись тогда упрямец Святослав... и историческая карта Европы... была бы иной»* [Васильев 2011: 75].

В итоге его «Романы о Древней Руси» становятся сравнительно новым явлением в жанре исторического романа. Некоторые их особенности, такие как условность описания художественного мира и сгущенный условный хронотоп заставляют вспомнить о поэтике рыцарского романа и германском эпосе, другие (беллетризованная фабула и произвольность в интерпретации исторических лиц) напоминают романы А. Дюма и А. К. Толстого. Но общее течение исторических событий основано на консенсусной научной картине прошлого, а в характеристике исторического процесса на первом месте стоят факторы социально-экономические.

Очевидная эклектичность картины мира в исторических романах Б. Васильева объясняется, прежде всего, новизной его художественной стратегии. В отличие от писателей XIX — первой половины XX века он не демонстрирует готовой идейно-философской концепции на материале событий прошлого. И не занимается поиском общих историко-философских детерминант развития цивилизации, что было характерно для второй половины XX века. Этот автор создает условную модель исторического процесса, в которой действуют одновременно множество факторов (экономических, психологических, элемент случайности и т.д.) и ставит мысленный эксперимент, нацеленный на определение роли личности в истории, а также выявление возможных альтернативных вариантов ее развития.

ЛИТЕРАТУРА

Александрова Л. П. Советский исторический роман и вопросы историзма. — Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1971. — 156 с.

Бокова В. 85 лет со дня рождения Бориса Львовича Васильева [Электронный ресурс] // У книжной полки, 2009. — № 3. — Режим доступа: http://www.club366.ru/books/html/121588.shtml (дата обращения 05.12.2016).

Васильев Б. Л. Князь Святослав // Б. Л. Васильев. Собрание сочинений в 12 т. Т. 9. — М.: АСТ: Астрель, 2011. — С. 7–182.

Гуревич А. Я. Хронотоп «Песни о Нибелунгах» // А. Я. Гуревич. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М.: Искусство, 1990. — 396 с.

Иванова Н. В полоску, в клеточку и мелкий горошек. Перекодировка истории в современной русской прозе // Знамя. — 1999. — № 2. – С. 176–185.

Кормилов С. И. Современный словарь-справочник по литературе. — М.: Олимп, 2000. — 704 с.

Ланин Б. А. трансформация истории в современной литературе // Общественные науки и современность. — 2000. — № 5. — С. 175–180.

Лихачев Д. С. Сюжетное повествование в памятниках, стоящих вне жанровых систем XI–XII вв. // Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе / отв. ред. Я. С. Лурье. — Л.: Наука, 1970. — С. 195–207.

Лобин А. М. Историческая проза в «нулевые» годы // Литературная учеба. — 2010. — № 4. — С. 58–64.

Мельникова Е. А. Древняя Русь. Расселение и формирование государственности восточных славян // Всемирная история: в 6 т. / гл. ред. А. О. Чубарьян. — Т. 2. Средневековые цивилизации Востока и Запада / отв. ред. П. Ю. Уваров. — М.: Наука, 2012. — С. 372–381.

Мясников В. Историческая беллетристика — спрос и предложение [Электронный ресурс] // Новый мир. — 2002. — № 4. — Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2002/4/mias.html (дата обращения 01. 12.2016).

Новиков В. Невозможность истории // Дружба народов. — 1998. — № 11. – С. 188–194.

Оскоцкий В. Д. Связь времен. — М.: Знание, 1974. — 160 с.

Сорочан А. Ю. Формы репрезентации истории в русской прозе XIX века: автореф. дисс ... доктора филологических наук. — Тверь, 2008. — 37 с.

Урюпин И. С. Историческое сознание и историческое познание в русском историческом романе XX века: теоретические контуры проблемы // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2015. — № 3. — С. 48–56.

Федорова Ж. В. Историческая проза Ф. В. Булгарина, жанровое своеобразие: дисс … кандидата филологических наук. — Казань, 2002. — 201 с.

Чумак В. Г. Украинский советский исторический роман 60–80-х годов: проблемы исторической и художественной правды: автореф. дисс ... доктора филологических наук. — Киев; Ин-т лит. им. Т. Г. Шевченко, 1989. — 48 с.

REFERENCES

Aleksandrova L. P. Sovetskiy istoricheskiy roman i voprosy istorizma. — Kiev: Izd-vo Kievskogo un-ta, 1971. — 156 s.

Bokova V. 85 let so dnya rozhdeniya Borisa L'vovicha Vasil'eva [Elektronnyy resurs] // U knizhnoy polki, 2009. — № 3. — Rezhim dostupa: http://www.club366.ru/books/html/121588.shtml (data obra-shcheniya 05.12.2016).

Vasil'ev B. L. Knyaz' Svyatoslav // B. L. Vasil'ev. Sobranie sochineniy v 12 t. T. 9. — M.: AST: Astrel', 2011. — S. 7–182.

Gurevich A. Ya. Khronotop «Pesni o Nibelungakh» // A. Ya. Gurevich. Srednevekovyy mir: kul'tura bezmolvstvuyushchego bol'shinstva. — M.: Iskusstvo, 1990. — 396 s.

Ivanova N. V polosku, v kletochku i melkiy goroshek. Perekodirovka istorii v sovremennoy russkoy proze // Znamya. — 1999. — № 2. – S. 176–185.

Kormilov S. I. Sovremennyy slovar'-spravochnik po literature. — M.: Olimp, 2000. — 704 s.

Lanin B. A. transformatsiya istorii v sovremennoy literature // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. — 2000. — № 5. — S. 175–180.

Likhachev D. S. Syuzhetnoe povestvovanie v pamyatnikakh, stoyashchikh vne zhanrovykh sistem XI–XII vv. // Istoki russkoy belletristiki. Vozniknovenie zhanrov syuzhetnogo povestvovaniya v drevnerusskoy literature / otv. red. Ya. S. Lur'e. — L.: Nauka, 1970. — S. 195–207.

Lobin A. M. Istoricheskaya proza v «nulevye» gody // Literaturnaya ucheba. — 2010. — № 4. — S. 58–64.

Mel'nikova E. A. Drevnyaya Rus'. Rasselenie i formirovanie gosudarstvennosti vostochnykh slavyan // Vsemirnaya istoriya: v 6 t. / gl. red. A. O. Chubar'yan. — T. 2. Srednevekovye tsivilizatsii Vostoka i Zapada / otv. red. P. Yu. Uvarov. — M.: Nauka, 2012. — S. 372–381.

Myasnikov V. Istoricheskaya belletristika — spros i predlozhenie [Elektronnyy resurs] // Novyy mir. — 2002. — № 4. — Rezhim dostupa: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2002/4/mias.html (data obrashcheniya 01. 12.2016).

Novikov V. Nevozmozhnost' istorii // Druzhba narodov. — 1998. — № 11. – S. 188–194.

Oskotskiy V. D. Svyaz' vremen. — M.: Znanie, 1974. — 160 s.

Sorochan A. Yu. Formy reprezentatsii istorii v russkoy proze XIX veka: avtoref. diss ... doktora filologicheskikh nauk. — Tver', 2008. — 37 s.

Uryupin I. S. Istoricheskoe soznanie i istoricheskoe poznanie v russkom istoricheskom romane XX veka: teoreticheskie kontury problemy // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly. — 2015. — № 3. — S. 48–56.

Fedorova Zh. V. Istoricheskaya proza F. V. Bulgarina, zhanrovoe svoeobrazie: diss … kandidata filologicheskikh nauk. — Kazan', 2002. — 201 s.

Chumak V. G. Ukrainskiy sovetskiy istoricheskiy roman 60–80-kh godov: problemy istoricheskoy i khudozhestvennoy pravdy: avtoref. diss ... doktora filologicheskikh nauk. — Kiev; In-t lit. im. T. G. Shevchenko, 1989. — 48 s.

Данные об авторе

Александр Михайлович Лобин — кандидат филологичексих наук, доцент кафедры филологии, издательского дела и редактирования, Ульяновский государственный технический университет (Ульяновск).

Адрес: 432027, Россия, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32.

E-mail: amlobin@yandex.ru.

About the author

Lobin Alexandr Mihailovich is a Candidate of Philology, Docent of the Department of Philology, Publishing Business and Editing, Ulyanovsk State Technical University (Ulyanovsk).